

Θ. П. Преображенскій.

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ,

КАКЪ МЫСЛИТЕЛЬ-МORAЛИСТЪ.

КРИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ.

МОСКВА

Типографія И. Д. Сытина и К°., Валовая улица, собственный домъ.

1893.

104 Bi Bound

θ. П. Преображенскій.

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ,

КАКЪ МЫСЛИТЕЛЬ-МОРАЛИСТЪ.

КРИТИЧЕСКИИ ОЧЕРКЪ.

МОСКВА.

Типографія И. Д. Сытина и К°, Валовая улица, собств. домъ.
1893.

Дозволено цензурою. Москва, 28 ноября 1892 г.

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ,

КАКЪ МЫСЛИТЕЛЬ-МОРАЛИСТЪ.

Графъ Л. Н. Толстой,

КАКЪ МЫСЛИТЕЛЬ - МОРАЛИСТЪ.

(Критический очеркъ).

Тьмы мелкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающей обманъ.

Пушкинъ.

Человѣкъ, дѣятельною любовію полюбившій,
познаеть и личнаго Бога и личное бессмертіе.

Ѳ. Достоевскій.

Нравственно-соціальныя воззрѣнія яснополянского философа не перестаютъ привлекать къ себѣ самое оживленное вниманіе и духовной и свѣтской критики. Если подвести итоги тому множеству разнообразныхъ сужденій и опѣнокъ, какія высказаны по поводу послѣднихъ произведеній Л. Н. Толстого, то получится слѣдующая полная противорѣчій характеристика нашего писателя, какъ мыслителя-моралиста. То нашъ современный моралистъ представляется религіознѣйшимъ человѣкомъ, глубоко приникшимъ въ духъ истиннаго христіанства¹⁾, то это самый крайній пантейстъ, даже атеистъ, прикрывающій свой атеизмъ метафизическимъ туманомъ и терминами христіанской догматики²⁾, или въ лучшемъ случаѣ раціоналистъ-действіе, то онъ глубоко искренній человѣкъ, съ жадностью ищущій нравственной правды, искренній даже въ своихъ грандиозныхъ заблужденіяхъ³⁾, то намъ предлагаются искать

¹⁾ Н. Страховъ, отчасти А. Волынскій и Л. Оболенскій.

²⁾ Архіеп. Никаноръ, архим. Антоній, А. Гусевъ, Рождествинъ, Карышевъ, свящ. Буткевичъ и др.

³⁾ Особенно Н. Страховъ и др.

ключъ къ пониманію его послѣднихъ произведеній въ его желаніи разыграть роль русскаго Ренана или Штрауса, и самъ онъ представляется «сознательнымъ лжецомъ», желающимъ «отпугнуть мало знающихъ и довѣрчивыхъ отъ Церкви и завербовать на сторону своего антихристіанскаго ученія» ⁴⁾), то онъ представляется величайшимъ мыслителемъ нашего времени, сдѣлавшимъ, напр., «гениальную» поправку къ учению Канта ⁵⁾), и его философія рекламируется какъ «философія великаго человѣка», имѣющая пережить своего творца ⁶⁾), — то передъ нами жалкій діалектикъ, дающій живой урокъ, «какъ не надо мыслить», а его ученіе — «жалкая карикатура мірозданія» ⁷⁾); то передъ нами оригиналный философъ, внесшій новое, оригинальное слово въ русскую философію ⁸⁾), — то это мыслитель, «дымящій чужимъ дымомъ», идущій на помочахъ у своихъ западныхъ учителей, и его ученіе есть «сплавъ» заимствованныхъ и непроверенныхъ положеній ⁹⁾; то его мораль есть истинно-христіанская, хотя взятая въ отрѣшеніи отъ христіанской метафизики ¹⁰⁾), то его мораль — ни болѣе ни менѣе какъ замаскированная мораль эгоизма, въ которой можно найти и эпікуреистическую и утилітарную окраску, да притомъ еще соціалистическую и коммунистическую тенденціи ¹¹⁾). Почва для такого разнообразнаго пониманія воззрѣй Л. Н. Толстого дана отчасти въ самыхъ сочиненіяхъ его, а отчасти оно явилось какъ плодъ ложныхъ приемовъ критики и некоторыхъ недоразумѣній. Послѣднія произведенія Л. Толстого не могутъ похвалиться ни ясностю, ни обработанностю, ни систематичною послѣдовательностью; парадоксы, лирическія изліянія, смѣлые сравненія, скорѣе описанія, чѣмъ опредѣленія, скорѣе образы, чѣмъ логическая формулы, часто намеки вмѣсто точныхъ выражений — все это очень далеко отъ произведеній, выношен-

4) Архіеп. Никаноръ, особенно А. Гусевъ и критикъ Моск. Вѣд. Ю. Николаевъ.

5) Л. Оболенскій.

6) А. Волынскій.

7) П. Е. Астафьевъ.

8) Л. Оболенскій, Волынскій, Цертелевъ.

9) Особенно А. Гусевъ.

10) А. Волынскій.

11) Гусевъ, Козловъ и др., и особенно Ю. Николаевъ.

ныхъ въ стѣнахъ кабинета и изложенныхъ по строго научному методу; страсть искателя истины, дорожащаго найденной имъ «жемчужиной», породила нетерпимость по отношенію къ тѣмъ, кто будто бы долго скрывалъ эту жемчужину въ мусорѣ заблужденій; желаніе блага человѣчеству, живущему въ рабствѣ у современныхъ «фарисеевъ и книжниковъ», вызвало безпоощадное отношеніе къ нимъ и поддерживаемому ихъ ложными ученіями общественному строю; счастливое сознаніе обладателя самыи простымъ и яснымъ секретомъ, какъ надо жить, придало Л. Толстому отчасти горделиво - самоувѣренный тонъ, отчасти презрительное отношеніе къ «мудрецамъ міра», у которыхъ онъ самъ учился, отчасти выразилось въ прямолинейности фанатика - проповѣдника, сурово отвергающей все, что не укладывается въ рамки его нравственныхъ и соціальныхъ воззрѣній. Наконецъ, долгое время воззрѣнія Л. Толстого, какъ плодъ непрерывнаго развитія мысли, находились въ процессѣ эволюціи, и только теперь они болѣе или менѣе опредѣлились, хотя и въ настоящее время къ нимъ едва ли можно относиться какъ уже окончательно и безповоротно сложившимся. Съ другой стороны и сама критика судила съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія и только обнаружила ту ужасную путаницу понятій, какая существуетъ въ нашемъ обществѣ.

Не пускаясь въ подробности, достаточно указать на тотъ фактъ, что одно и то же ученіе одними прямо объявляется антихристіанскимъ, а другими признается плодомъ глубокаго пониманія христіанства. Это было бы невозможно, если бы въ современномъ обществѣ существовалъ правильный взглядъ на христіанство и пониманіе его основъ.

Намъ остается присоединиться къ какому-либо изъ высказанныхъ воззрѣній, такъ какъ едва ли что можно прибавить новаго къ тому, что уже высказано съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Но путь къ оправданію такого или иного взгляда на нравственное ученіе Л. Толстого мы выбираемъ тотъ, какой указанъ самимъ творцомъ новой морали. Выступая съ проповѣдью о любви къ ближнему, Л. Толстой хочетъ научить насъ, какъ надо жить, и не оставляетъ насъ въ невѣдѣніи,

почему нужно жить такъ, а не иначе ¹²⁾). Онъ окружаетъ проповѣдуемый имъ законъ жизни психологическими и метафизическими основаніями, и въ критикѣ этихъ основаній должна заключаться задача нашего критического очерка. Мы хотимъ научиться у него добродѣтели и истинной жизни, но примемъ его правила только тогда, когда найдемъ ихъ достаточно обоснованными *).

I.

Нравственные воззрѣнія Л. Н. Толстого и ихъ основанія.

Основной законъ нравственной дѣятельности человѣка, по ученію Л. Толстого, есть законъ любви ¹⁾). Но Толстой не принимаетъ евангельской формулы этого закона, которую онъ находитъ не совсѣмъ точной и способной оправдывать человѣческий эгоизмъ ²⁾). Вместо формулы: «возлюби ближняго, какъ самого себя», онъ предлагаетъ свою: «люби другихъ больше, чѣмъ самого себя». Эта небольшая перемѣна, незвичайная съ первого взгляда, при внимательномъ отношеніи оказывается

¹²⁾ „Worin besteht mein Glaube“, Leipzig. S. 241.

^{*}) *Примѣчаніе.* При изученіи вопроса мы имѣли подъ руками слѣдующія книги и статьи:

Проф. А. Козлова: Письма о сочиненіи Л. Толстого „О жизни“.

Проф. Гусева: Графъ Л. Толстой, его исповѣдь и мнімо-новая вѣра; — Любовь къ людямъ въ ученіи Л. Толстого и его руководителей.

Кн. Д. Цертелевы: Нравственная философія Л. Толстого.

П. Астафьевы: Нравственное ученіе Л. Толстого въ его цѣломъ.

Архимандр. Антонія: Бесѣды о православномъ пониманіи жизни и его пре-восходствѣ надъ ученіемъ Л. Толстого.

И. А. Карышева: Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятые Л. Толстымъ въ его сочиненіи „Вѣ чѣмъ моя вѣра“.

А. Рождествина: Христіанство Л. Толстого.

А. Волынскаю: Нравственная философія Л. Толстого.

Н. Страхова: Толки о Л. Толстомъ.

Л. Оболенская: Нравственная философія Л. Толстого, и другія болѣе мел-кія статьи, напр. Ю. Николаева въ „Моск. Вѣдомостяхъ“.

¹⁾ „Über Leben“, S. 73.

²⁾ Ibid. S. 31.

весъма существенно зависящей отъ взгляда Л. Толстого на человѣческую личность вообще. Въ этомъ своеобразномъ взгляде Л. Толстого на человѣческое существо собственно и лежитъ исходный пунктъ его морали.

По взгляду Л. Толстого человѣкъ состоитъ изъ трехъ элементовъ: а) вещества, б) связанной съ нимъ животной личности и в) разумнаго сознанія ³⁾). Животная личность (странные сочетаніе терминовъ!) свойственна равно животнымъ, какъ и человѣку, и есть преходящее начало въ человѣкѣ, уничтожающееся со смертью его тѣлесной оболочки ⁴⁾). Этой животной личности свойственно стремленіе къ плотскому благу, въ исканіи которого она и полагаетъ истинный смыслъ жизни ⁵⁾). Но непрерывный рядъ страданій и наконецъ смерть показываютъ человѣку тщету стремленій его животной личности достичнуть личного блага. Страданіе всегда служить показателемъ какого-либо недостатка въ благахъ, а смерть полагаетъ конецъ всякой иллюзіи обладанія благомъ ⁶⁾). Но не страданія только и не смерть открываютъ человѣку глаза на тщету его стремленій къ личному благу. Человѣку, кромеъ его животнаго сознанія, связаннаго съ животной личностю, дано еще разумное сознаніе, частица того всеобщаго разума, который царить во вселенной и составляетъ основу всего сущаго ⁷⁾). Этому разумному сознанію Л. Толстой не приписываетъ личности и индивидуальности; хотя онъ и называетъ это разумное сознаніе въ человѣкѣ его «разумнымъ я» и полагаетъ его сущность въ любви къ одному и въ нелюбви къ другому ⁸⁾), но все-таки признать это начало въ человѣкѣ личнымъ не позволяетъ ему его метафизика: частица всеобщаго безличного разума въ человѣкѣ не можетъ быть признана личной безъ непримиримаго самопротиворѣчія; съ другой стороны, при отрицаніи Л. Толстымъ личного бессмертия, непонятно, чтѣ бы онъ подѣлялъ въ концѣ-концовъ съ разумнымъ я человѣ-

³⁾ 13 т. сочин. стр. 57 и въ др. мѣстахъ.

⁴⁾ Über Leben, SS. 110, 113 и др.

⁵⁾ Ibid. S. 24 и др.

⁶⁾ 13 т. стр. 15, 69 и др.

⁷⁾ Über Leben, SS. 73, 115, 117 и др.

⁸⁾ 13 т. стр. 42 и мн. др.

вѣка, если бы онъ признавалъ его личнымъ: безличное бѣз-
смертіе разумной личности въ лонѣ безличнаго разума—тако-
го сочетанія понятій не вынесеть и самая коварная діа-
лектика. Итакъ разумное я въ человѣкѣ не есть личность. Но,
не будучи личностю, это я есть основа жизни каждого человѣ-
ка, единство его психо-физического организма, связь, связу-
ющая истинную жизнь каждого человѣка съ жизнью другихъ
людей, всего человѣчества, не только настоящаго, но и прошед-
шаго и будущаго ⁹⁾). Жизнь по закону этого разумнаго я есть
истинная жизнь, никогда не прекращающаяся, жизнь вѣчная, для
которой нѣть собственно прошедшаго и будущаго, а есть одно
настоящее. Я есть всегда—можетъ сказать о себѣ разумное я,
ибо оно всегда живеть со всѣмъ человѣчествомъ, а человѣче-
ство съ нимъ ¹⁰⁾). Животной личности всегда угрожаетъ
смерть—она уничтожается со смертию тѣла; разумное я живеть
вѣчно въ лонѣ своего источника. Это то разумное
сознаніе, носитель закона истинной жизни, можетъ спать,
молчать, пока животная личность предается искуаню сво-
его суетнаго личнаго блага; но наступаетъ моментъ, ког-
да оно просыпается ¹¹⁾ въ человѣкѣ подъ ударами страд-
аній и освѣщаетъ разумныемъ свѣтомъ суету и ложь
той жизни, которой служила доселе животная личность. Освѣтивъ эту суету исканій и непрерывный рядъ ихъ сопро-
вождающихъ страданій яркимъ лучомъ разума, разумное со-
знаніе показываетъ животной личности всю тщету ея стремле-
ній къ личному благу. Оно представляетъ ей самый простой
разсчетъ: всѣ существа, какъ и ты, такъ же ищутъ блага
только для себя, каждое для себя одного. Въ этой свалкѣ бо-
рюющихся за личное благо другія существа раздаваятъ тебя, и
потому личное счастіе для тебѣ невозможно, пока ты утвер-
ждаешь себя въ своей исключительности, замыкаешься въ тѣс-
номъ міркѣ твоего эгоизма ¹²⁾). Страданія постоянно показы-
ваютъ тебѣ тщету твоихъ исканій личнаго счастія, но ты и
не избавишишься отъ страданій, пока не уничтожишь въ себѣ

⁹⁾ и ¹⁰⁾ Worin besteht mein Glaube, SS. 201 и 202 и др.

¹¹⁾ 13 т. стр. 17.

¹²⁾ Ibid. стр. 9 и др.

ихъ приципы, т. е. твоего стремлени¤ къ личному призрачному благу. Наконецъ, придетъ смерть и положить конецъ всей твоей ужасной иллюзии. Ты уничтожишься вмѣстѣ съ тѣломъ, къ которому ты привязана, и въ минуты предсмертныхъ страданій поймешь, что вся твоя жизнь была зломъ и суетой. Слѣдовательно, не надо любить свою животную личность и служить благу ея животнаго существованія. Эта преходящая, призрачная часть человѣческаго существа не стоять любви, ибо жизнь ея есть медленное умирание, и всякий трудъ на ея пользу есть трудъ на пользу страданій и смерти¹³⁾). Поэтому первый долгъ всякаго человѣка, при свѣтѣ разумнаго сознанія познавшаго всю ложь жизни для блага животной личности, есть безповоротное отреченіе отъ блага животной личности, есть полное самоотверженіе.

Теперь понятно, почему Л. Толстой не принимаетъ второй половины евангельской формулы любви «какъ самого себя». Этотъ «самъ» есть для него именно животная личность, а она, какъ мы видѣли, не стоять никакой любви, въ противоположность истинному христіанству, которое признаетъ любовь къ своей богоподобной личности.

Итакъ животная личность, внявъ голосу разумнаго сознанія, свободно отрекается отъ служенія своему благу и подчиняется руководству разума. Разумное сознаніе не ограничивается тѣмъ, что налагаетъ на человѣка отрицательную задачу — отречься отъ своей преходящей животной личности и ея благъ. Оно научаетъ его положительному закону истинной жизни, которая не умираетъ¹⁴⁾). Разумное сознаніе продолжаетъ свою рѣчь. Та жизнь, которою ты до сихъ порь жилъ, не есть истинная жизнь, ибо это была жизнь животной личности; это была даже не жизнь, а просто существованіе, которое началось для того, чтобы прекратиться¹⁵⁾). Но ты хочешь жить, и это хотѣніе въ тебѣ показываетъ, что есть иная жизнь, которою ты долженъ жить. Ты боишься смерти, ты не хочешь ея, и это показываетъ, что не въ умирающей животной личности со-

¹³⁾ 13 т. стр. 45, 51 и др.

¹⁴⁾ Ibid. стр. 13 и др.

¹⁵⁾ Über Leben, S. 108 и др.

стоитъ твоя жизнъ, а въ чемъ-то другомъ, что не умираеть. Жизнь, кончающаѧ смертю, есть безсмыслица, жалкая насмѣшка. Но есть другая истинная, имѣющая величайшій смыслъ жизни, жизнь не по законамъ животной личности, а по закону разума. Этотъ законъ есть законъ любви къ ближнему, основанной на самоотверженіи. Для жизни по закону безграничной любви нѣть ни страданія, ни смерти. Страдаетъ и умираеть животная личность¹⁶⁾), а не жизнь разумнаго сознанія, жизнь любви. Жизнь разумнаго сознанія, жизнь по его закону любви, есть вѣчная жизнь. Она ни начинается во времени, ни кончается; ни законъ времени, ни законъ пространства для нея не имѣютъ силы. Это жизнь животной личности полагаетъ себя во времени и пространствѣ, а потому ищетъ и смысла жизни въ предѣлахъ времени и пространства; истинная жизнь имѣть свой смыслъ въ времени и пространства,—смыслъ, не уничтожаемый смертю. Этотъ смыслъ состоить въ свободномъ подчиненіи животной личности закону разума, т. е. любви¹⁷⁾). Мы часто употребляемъ слово любовь, но большею частію ложно понимаемъ ее. Мы говоримъ о любви къ истинѣ, искусству, женѣ, дѣтямъ, родинѣ и т. п., но по большей части это не любовь, а пристрастіе, предпочтеніе одной личности другой или одного блага другому, въ цѣляхъ блага нашей же животной личности, въ цѣляхъ эгоизма¹⁸⁾). Мы обыкновенно любимъ потому, что отъ этой любви въ концѣ-концовъ нашей же животной личности будетъ хорошо¹⁹⁾). Такая любовь не есть благо, ибо это жизнь той же животной личности для блага животнаго существованія, которую осуждаетъ разумное сознаніе. Жизнь такой любви подлежитъ той же роковой судьбѣ, которой подчинена жизнь животной личности ради себя самой вообще, т. е. страданію и смерти. Любовь, не имѣющая въ основѣ своей полнаго отреченія отъ личности,—прямо утверждаетъ Л. Толстой,—есть та же животная жизнь и подвержена еще болѣшимъ бѣдствіямъ и еще болѣшему нера-

¹⁶⁾ Über Leben, S. 121.

¹⁷⁾ 13 т. стр. 17 и др.

¹⁸⁾ Ibid. стр. 25, 26 и др.

¹⁹⁾ Ibid. стр. 19, 21, 22 и др.

зумію, чѣмъ жизнь безъ этой мнимой любви. Чувство пристрастія въ цѣляхъ эгоистическихъ, называемое любовію, не только не устраниетъ борьбы существованія, не освобождаетъ личность отъ погони за наслажденіями и не спасаетъ отъ смерти, но только еще больше затемняетъ жизнь, ожесточаетъ борьбу, усиливаетъ жадность къ наслажденіямъ для себя и для другого и увеличиваетъ ужасъ передъ смертью за себя и за другое существо, которое человѣкъ любить предпочитительною любовью²⁰). Не такова истинная любовь, единственная, которая даетъ вѣчныя блага. Она основана на полномъ отреченіи отъ животной личности, на полномъ пожертвованіи благами этой личности на пользу другихъ²¹). Любовь истинная только и начинается съ момента отреченія человѣка отъ блага животной личности²²). Схватившись за плугъ, любящій человѣкъ не долженъ озираться назадъ на брошенныя имъ блага животной личности,—онъ долженъ идти прямо по избранной имъ бороздѣ любовного служенія людямъ. Въ этомъ служеніи человѣкъ не долженъ выбирать между своимъ и чужимъ; онъ долженъ любить равно всѣхъ. Истинная любовь есть состояніе благоволенія ко всѣмъ живымъ существамъ, которое не знаетъ тѣхъ родственныхъ, семейныхъ, соціальныхъ и национальныхъ перегородокъ, которыя надѣлали люди и человѣческія общества въ цѣляхъ эгоизма животной личности. Любовь, не омраченная никакимъ пристрастіемъ, есть состояніе безконечного блаженства, безконечной радости²³). Это изъ живыхъ людей,—говорить Толстой,—не знаетъ того блаженного чувства, хоть разъ испытанного и чаще всего въ раннемъ дѣтствѣ, когда душа еще не была засорена всею тою ложью, которая заглушаетъ въ насъ жизнь,—того блаженного чувства умиленія, при которомъ хочется любить всѣхъ: и близкихъ, и отца, и мать, и братьевъ, и злыхъ людей, и враговъ, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного—чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы всѣ были счастливы, и еще болѣе хочется того, что-

²⁰) 13 т. стр. 20.

²¹) Ibid. стр. 28.

²²) Ibid.

²³) Ibid. стр. 31.

бы самому сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всѣмъ было хорошо и радостно. Это-то и есть—и это одно есть та любовь, въ которой жизнь человѣка ²⁴⁾.

Человѣкъ, любящій такою любовію, не знаетъ страданій, ибо онъ отрекся отъ животной личности, съ которою эти страданія сопряжены. Онъ не боится и смерти, ибо онъ знаетъ, что умретъ то, что не стоитъ любви, его эфемерная животная личность, но что никогда не прекратится его истинная жизнь, жизнь его любви. Истинно — разумная жизнь любви вѣчна. Толстой вооружается противъ ученія о личномъ бессмертії. Только люди эгоизма способны воображать какое-то посмертное личное существование ²⁵⁾). Вместо бессмертія личной, индивидуальной души онъ учитъ обѣ иномъ, единственно истинномъ и реальному съ его точки зрењія бессмертії. Въ чемъ же оно состоитъ?

Человѣкъ является въ мірѣ «съ особеннымъ отношеніемъ къ міру», съ разумнымъ я, которое «состоитъ въ любви къ одному и нелюбви къ другому» ²⁶⁾). Это разумное я есть основа всѣхъ смыняющихся актовъ сознанія и, будучи опредѣленнымъ отношеніемъ человѣка къ міру, выносится человѣкомъ «изъ какого-то невидимаго и непознаваемаго нами прошедшаго» ²⁷⁾). Можно назвать это разумное я характеромъ, но при этомъ не надо забывать, что основное свойство человѣка, которое называется характеромъ, не происходитъ отъ пространственныхъ и временныхъ условій, но вносится нами въ мірѣ изъ области внѣпространственной и внѣвременной. Живя въ мірѣ и любя самоотверженnoю любовью, человѣкъ устанавливаетъ новое и новое отношение къ міру ²⁸⁾). Эти-то новыя, устанавливаемыя человѣкомъ отношенія къ міру, эта жизнь развивающагося разумного сознанія, выносимаго человѣкомъ изъ невѣдомаго прошедшаго, и есть подлинная, не умирающая сущность человѣка. Умретъ тѣло, уничтожится съ нимъ свя-

²⁴⁾ Ibid. стр. 31.

²⁵⁾ Über Leben, гл. 32.

²⁶⁾ 13 т. стр. 43 и во многихъ другихъ мѣстахъ.

²⁷⁾ Ibid.

²⁸⁾ Ibid. стр. 49.

занное временное животное сознание²⁹⁾), но не умирает разумное сознание человека, которое въ видѣ воспоминанія переходит въ сознанія послѣдующихъ поколѣній³⁰⁾). Въ другихъ людяхъ, еще не умершихъ,—говорить Толстой,— вместо тебя останется воспоминаніе, въ которомъ сохранится все твои идеи, твои качества, и онъ будуть усвоиваться другими людьми; тѣ станутъ лучше, передадутъ свои качества еще дальнѣйшимъ, тѣ будутъ еще лучше—и такъ далѣе. Видишь ли, твоя доля въ мировомъ прогрессѣ не останется безъ послѣдствій³¹⁾). Въ этой продолжающейся жизни моего разумнаго сознанія въ разумныхъ сознаніяхъ другихъ людей и состоить истинное бессмертіе человека. А такъ какъ рядъ этихъ разумныхъ сознаній есть рядъ частицъ всеобщаго безличнаго космическаго разума, то жизнь моего разумнаго сознанія въ сознаніяхъ другихъ людей есть жизнь въ лонѣ этого всеобщаго безличнаго разума, какъ основы всего сущаго и творца истинной жизни.

Жизнь по закону разума, по закону любви не только дѣлаетъ человека участникомъ мирового прогресса, не только дѣлаетъ его бессмертнымъ въ воспоминаніяхъ послѣдующихъ поколѣній, но и есть единственный путь къ достижению имъ личнаго счастія и счастія всего человѣчества. Убѣдившись въ томъ, что, любя свою животную личность, онъ никогда не достигнетъ личнаго блага, ибо все существа желають того же,—человѣкъ сознаеть, что для него возможно достижениѳ личнаго счастія только тогда, когда все существа будутъ любить его больше, чѣмъ самихъ себя³²⁾). Таковъ законъ разума. И вотъ человѣкъ начинаетъ любить другихъ больше себя, ибо знаетъ, что эти другіе никогда не откажутъ ему въ удовлетвореніи насущныхъ потребностей его животной личности, если только признаютъ необходимость исполнять законъ любви, какъ единственнаго пути къ счастію. Тревожный вопросъ, чтѣ я буду юсть или во чѣмъ одѣнусь, для человека, посвятившаго себя на любовное служеніе людямъ, не существуетъ, ибо эти

²⁹⁾ Ibid. 45.

³⁰⁾ Ibid. стр. 53 и др. Über Leben, S. 62

³¹⁾ Ibid., гл. 30.

³²⁾ Ibid., стр. 10 и др.

другіе также будутъ любить его больше себя, какъ онъ любить ихъ больше себя³³⁾). Такъ достигается личное счастіе. Но если представить себѣ такое общество, въ которомъ всѣ члены будутъ любить другъ друга больше, чѣмъ самихъ себя, то оно и будетъ картиной счастія человѣчества, тѣмъ идеаломъ прогресса, къ которому должна быть направлена вся дѣятельность человѣческихъ единицъ. Каждый будетъ счастливъ въ отдѣльности и всѣ будутъ счастливы въ совокупности. Мало-по-малу, при дружныхъ усилияхъ всѣхъ ревнителей закона любви, побѣженъ будетъ эгоизмъ и осуществится цѣль мірового прогресса—просвѣщеніе и единеніе всѣхъ существъ міра,—наступитъ предвозвѣщенное пророками время, когда всѣ люди перекуютъ мечи на орала, копья на серны, когда левъ будетъ лежать съ ягненкомъ, когда всѣ будутъ соединены любовью и будутъ наслаждаться жизнью въ общемъ другъ съ другомъ и благодѣтелью природою³⁴⁾). Это-то всеобщее счастіе и есть цѣль міровой жизни, достижениѳ которой обезпечивается исполненіемъ закона разума—закона самоотверженной любви.

II.

Критическая замѣтка по поводу психологіи, метафизики и этики Л. Н. Толстого.

Таковы основныя мысли и мечты нравственной философіи Л. Толстого. Среди всеобщей сумятицы, происходящей вслѣдствіе всеобщей погони за личнымъ счастьемъ, среди настоящаго грабежа, въ которомъ каждый стремится урвать лучшій кусокъ представляемыхъ природой благъ (какъ изображаетъ Л. Толстой современную жизнь)³⁵⁾), раздается голосъ, съ су-

³³⁾ Über Leben, S. 138 и др.

³⁴⁾ 13 т. стр. 298, 376 и др.

³⁵⁾ Напр. Worin besteht mein Glaube, S. 170—174.

ровостю пророка и увлечениями мечтателя-реформатора обличающей все зло современного строя, будто бы основанного на згоизмѣ и насилии. Но Л. Толстой не ограничивается одним критиканствомъ. Онъ не хотѣлъ остановиться на томъ, чтобы только взбаломутить спокойно, въ блаженномъ невѣдѣніи относительно истиннаго смысла жизни спавшее общественное сознаніе, усыпленное материализмомъ и позитивизмомъ, для которыхъ нравственныхъ вопросовъ почти не существовало. Онъ не хотѣлъ только заставить людей заглянуть въ глубь себя, удалиться на время отъ лихорадочно-нервной погони за призраками личнаго счастья и поразмыслить надъ истиннымъ смысломъ жизни. Указавъ источникъ зла, обнаруживъ ложь, нависшую надъ общественнымъ сознаніемъ, Л. Толстой указалъ, где нужно искать спасенія отъ этого зла и этой лжи. Много крайностей и много увлеченія было въ этой обличительной проповѣди прямолинейнаго проповѣдника, много субъективной страсти и нетерпимаго фанатизма вылилось въ грозныхъ рѣчахъ моралиста-реформатора, но онъ не ошибся относительно истиннаго источника всеобщаго нравственнаго обновленія. Непонятное забвеніе «мудрецами мира» истиннаго источника истинной жизни справедливо вызвало у него слѣдующія строки негодованія, съ частными мыслями которыхъ нельзя однако согласиться. «Я убѣжденъ, — говоритъ онъ, — что чрезъ нѣсколько вѣковъ история того, что называютъ научной дѣятельностью нашихъ славныхъ послѣднихъ вѣковъ, сдѣляется для будущихъ поколѣній предметомъ, вызывающимъ неистощимую веселость и жалость. Скажутъ: въ теченіе многихъ вѣковъ ученые западной части великаго континента находились въ состояніи повальнаго сумасшествія: они вообразили себя обладателями вѣчной, блаженной жизни и неустанно трудились надъ составленіемъ сочиненій, имѣвшихъ цѣлую точко опредѣлить, какъ, по какимъ законамъ осуществляется для нихъ эта жизнь, а сами въ то же время ничего не дѣлали и нѣсколько не заботились о томъ, что нужно было сдѣлать для улучшенія ихъ собственной жизни. Всего печальнѣе покажется будущему историку то, что онъ увидитъ, что у этой группы людей былъ одинъ учитель, который училъ ихъ пра-

вилиамъ простымъ и яснымъ, точно указывая, чт) имъ нужно дѣлать, чтобы сдѣлать свою жизнь счастливою,—и что слова этого учителя одними были истолкованы въ томъ смыслѣ, что этотъ учитель придетъ въ облакъ устроить все, а другими въ томъ смыслѣ, что слова эти, слова учителя, достойны удивленія, но мало практичесны».

Но, выступая съ проповѣдью христіанскаго идеала, такъ легкомысленно предаваемаго забвѣнію мудрецами міра, Л. Толстой приспособилъ его къ своему личному пониманію и интересамъ земной дѣйствительности. Отсюда появилась проповѣдь не личнаго нравственнаго совершенствованія, не нравственнаго прогресса человѣчества, какъ цѣли всякой нравственной дѣятельности, а проповѣдь соціологическая, проповѣдь правильъ, какъ жить, чтобы лучше устроить земную жизнь и достигнуть земного счастья. Нѣть нравственныхъ цѣлей и идеаловъ самихъ по себѣ, а цѣлью морали поставляется цѣль чисто эвдемонистическая, цѣль счастливой земной жизни. Сами нравственныя правила имѣютъ въ виду не нравственное совершенство личности или человѣчества, а суть только механическія средства, при правильномъ примѣненіи которыхъ является, какъ результатъ, счастливая земная жизнь. Небесный идеалъ христіанской морали сводится на землю; земля обращается въ рай; христіанская мораль сводится къ ряду рецептовъ счастливой жизни и урѣзывается по мѣрѣ земной дѣйствительности. Вмѣсто христіанскаго идеала: будь совершенъ ради самого совершенства,—новая мораль, низводящая первую въ простую житейскую мудрость, ставить свой: употребляй мои правила, чтобы быть счастливымъ самому и дѣлать счастливыми другихъ.

Если бы Л. Толстой доказалъ, что исполненіе заповѣдей христіанской морали, между прочимъ, обезпечиваетъ и земное счастье, то можно было бы оснаривать его тезисъ, но противъ него не раздались бы голоса, обвиняющіе его въ поддѣлкѣ христіанской морали, въ подмѣнѣ высшаго христіанскаго идеала низшимъ материально-эвдемонистическимъ. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ этимъ земнымъ значеніемъ и ограничилъ все значеніе христіанской этики и потому въ его изложеніи она является лишь формально-христіанской, подъ знакомыми намъ

терминами, заключая новые понятия специально «Толстовской» морали.

Въ самомъ дѣлѣ, знакомясь въ первый разъ съ нравственными воззрѣніями Л. Толстого, слышаши вполнѣ знакомыя слова: отреченіе отъ личности, самоотверженіе, безкорыстная любовь и т. п. и радуешься, что христіанская мораль нашла себѣ художника-выразителя, слово котораго будетъ дѣйственнѣе въ нашемъ обществѣ, чѣмъ «слишкомъ простыя и безыскусственныя слова» Евангелія. Эта художественная, эстетическая форма, въ которую Л. Толстой облекаетъ свои нравственные воззрѣнія даже тогда, когда онъ далекъ отъ всякихъ художественныхъ цѣлей, вѣроятно многихъ подкупаетъ и не даетъ мѣста сознательно-критическому отношенію къ его морали. Но впечатлѣніе быстро мѣняется, когда начинаешь освобождать его нравственные подлинныя воззрѣнія отъ ихъ художественной оболочки. Прекрасная мораль, заманичивая перспектива безкорыстного любовного служенія людямъ, истинная жемчужина христіанской морали оказывается окруженнай такими гнилыми подиорами, такимъ психологическимъ и метафизическимъ мусоромъ, что удивляешься, какъ находятся люди, толкующіе объ истинномъ христіанствѣ Л. Толстого, и съ досаднымъ чувствомъ на моралиста и съ недоумѣніемъ спрашиваешь: заѣмъ понадобилось отрывать христіанскую мораль отъ ея родной почвы и ее, обрѣзанную по мѣркѣ субъективнаго пониманія и извращенную со смѣлостью современного фальсификатора, выдавать за подлинное ученіе Христа?

Въ одномъ мѣстѣ Л. Толстой говоритъ, что для принятія его морали не нужно ни положительной философіи, ни глубокихъ знаній, а нужно имѣть одно отрицательное качество: нужно не имѣть предразсудковъ³⁶⁾. Въ этихъ словахъ есть правда и неправда. Неправда, будто не надо положительной философіи для принятія его морали, ибо только съ признаніемъ ея философскаго освѣщенія можно сознательно слѣдоватъ ея предписаніямъ. Но правда въ томъ, что отъ многихъ предразсудковъ надо отстать, чтобы усвоить мнимо-христіанскую мо-

³⁶⁾ 13 т. стр. 9.

раль въ томъ своеобразномъ освѣщеніи, въ какомъ она является у нашего моралиста.

И прежде всего нужно отдатьться отъ того научнаго предразсудка, по которому сознательная нравственная дѣятельность предполагаетъ, какъ свое необходимое условіе, живую свободную и самосознающую личность, «морального субъекта», какъ выражаются въ этикѣ. Ничего такого мы не видимъ въ нравственномъ ученіи Л. Толстого. Его ученіе о существѣ человѣка, полное удивительно странной психологіи, справедливо вызвало рѣзкую критику и въ свѣтской и въ духовной литературѣ. Начать съ его животной личности—что это такое? Если это есть животная индивидуальность, свойственная всякому животному, то какимъ образомъ ей приписывается личное свойство самосознанія, эгоизма, любви? Принимать эти выраженія за фігулярныя, за олицетворенія свойствъ человѣка любить свое животное существованіе,—его эгоистическихъ склонностей, и видѣть здѣсь лишь образъ художника, мы не имѣмъ права, такъ какъ Л. Толстой часто и настойчиво утверждаетъ, что это именно личность, одаренная времененнымъ сознаніемъ и связанныя съ веществомъ, на чёмъ и основывается ея уничтожимость. Но если и признать, что животная личность есть олицетвореніе эгоизма или любви человѣка къ плотской жизни, то это только усиливаетъ странности психологическихъ возврѣній Л. Толстого. Гдѣ же тогда то я, которое такъ эгоистично и такъ любить свое животное существованіе? Скажутъ, что это я есть то разумное сознаніе, то разумное я, которое является носителемъ закона любви, прирожденнымъ характеромъ человѣка, состоящимъ въ любви къ одному и въ нелюбви къ другому? Но это я не есть индивидуальная субстанціональная душа; его личность откровенно отрицаются Л. Толстымъ. Это частица безличного разума, какъ основы всего сущаго, противоположная по своимъ качествамъ животной личности. Какимъ же образомъ это разумное я, не будучи личностю, является все-таки единствомъ психологическихъ актовъ, единствомъ временныхъ сознаній, связанныхъ съ противоположнымъ ему началомъ животной личности? Если же оно есть дѣйствительно указываемое един-

ство, то какимъ образомъ Л. Толстой считаетъ возможнымъ разсуждать о борьбѣ его съ животной личностью, о борьбѣ единства съ тѣмъ, что оно объединяетъ? Одно изъ двухъ: если говорить о борьбѣ разумнаго сознанія съ животной личностью, то необходимо утверждать существованіе двухъ самостоятельныхъ, борющихся началъ въ человѣкѣ, двухъ *я* въ человѣческомъ существѣ, чѣмъ психологически нелѣпо. Если же говорить о разумномъ сознаніи, какъ единство психическихъ актовъ и временныхъ сознаній, связанныхъ съ животной личностью, то нельзя противополагать ихъ взаимно, чтобы не впасть не только въ психологическую, но и логическую нелѣпость. Если, далѣе, и въ разумномъ сознаніи видѣть олицетвореніе свойства человѣка любить, а не реальное психологическое начало, то гдѣ же тогда то *я*, которое въ животной личности является эгоистомъ, а въ разумномъ сознаніи —носителемъ закона любви? Его нѣть въ психологіи Л. Толстого. То, что у него носить название личности, т. е. животная личность, есть преходящее начало, связанное съ тѣломъ — вѣрнѣе, это свойство вещества, уничтожающееся со смертію тѣла. Это-то животное, индивидуальное тѣло оказывается одареннымъ сознаніемъ, и такимъ образомъ поднимается старый тезисъ материализма о сознаніи, какъ свойствѣ матеріи. То, что есть существеннаго, непреходящаго, вѣчнаго въ человѣкѣ, есть его разумное *я*. *Ничто* безличное («нѣчто»! Л. Толстой могъ бы поточнѣе выразиться, если онъ не играетъ словами), но это безличное *я* оказывается одареннымъ и самосознаніемъ, и памятью, и способностію любить... Какимъ образомъ можетъ быть научно оправдано такое сочетаніе ціхологическихъ понятій,—предоставляемъ выяснить самому Л. Толстому.

На основѣ этой странной психологіи и основано у Л. Толстого ученіе о любви къ ближнему, какъ основномъ «законѣ жизни». Но какимъ образомъ? Изъ сознанія тѣлности животной личности и тщеты ея стремленій къ животному благу повидимому вытекала бы проповѣдь одного аскетизма и въ крайнемъ случаѣ даже самоубійства. Если я убѣдился, что исканіе благъ животной личности ни къ чему не приведеть, кроме страданій и смерти, то мнѣ остается по мѣрѣ силъ умерщвлять

потребности моей животной личности, и если у меня не хватить силы воли на актъ самоубийства, съ нетерпѣніемъ дожидаться, пока прекратится мое нельзяное призрачное существованіе, которымъ меня зачѣмъ-то надѣлилъ невѣдомый злой шутникъ. Но разумное сознаніе не даетъ мнѣ сдѣлать такого вывода. Оно даетъ мнѣ другой исходъ. Этотъ исходъ есть основанная на полномъ самоотречениіи любовь къ близкимъ, какъ выводъ изъ сознанія недостижимости моего личнаго блага при однихъ моихъ усиленіяхъ. Вместо усилий моей одной эфемерной личности разумъ подъ условiemъ отреченія отъ нея предлагаетъ мнѣ услуги цѣлаго ряда личностей. Я могу быть счастливъ,—откровенно говорить Л. Толстой,—только при такомъ мировомъ порядкѣ, при которомъ все существа любили бы другихъ (и меня въ томъ числѣ) болѣе, чѣмъ самихъ себя ³⁷⁾. Любовь къ близкимъ такимъ образомъ является простымъ разсудочнымъ выводомъ. Это не высшее духовное состояніе, созидающее нравственными усилиями христіанина подъ воздействиемъ благодати Божией, какъ учить христіанство, далекой отъ всякаго расчета житейской меркантильной морали,—это простое житейское правило благоразумнаго человѣка. Разумъ съ точностью бухгалтера вычисляетъ, при какихъ условіяхъ я могу быть счастливымъ, и найдя такое простое и практическое средство, предлагаетъ мнѣ его какъ законъ нравственной дѣятельности. Животная личность не стоять любви; она не нужна мнѣ, какъ источникъ страданій и смерти. И вотъ эту-то животную личность я, какъ мнѣ не нужно, отдаю на служеніе другимъ и взамѣнъ получаю то, къ чему я тщетно стремился при однихъ моихъ эгоистическихъ условіяхъ, т. е. личное благо.

Намъ приходится отвыкать отъ нашего несчастнаго предразсудка, по которому любовь мы считали безкорыстнымъ и свободнымъ подвигомъ. Мы умилялись, слыша о подвижникахъ любви, мы привыкли удивляться тѣмъ людямъ, которые по любви къ другимъ отрекались отъ личнаго блага, и готовы были спросить, гдѣ почерпаютъ они силы для такого само-

³⁷⁾ 13 т., стр. 10 и др.

отверженного служения людямъ, и вдругъ оказывается, что мы думали такъ или по невѣжеству или по сантиментальности. Любовь вовсе не безкорыстна—напротивъ, ее порождаетъ именно корысть—сознаніе недостижимости личнаго блага при однихъ моихъ усилияхъ и расчетъ достичнуть его при усилияхъ цѣлаго ряда личностей. Любовь въ концѣ-концовъ имѣть цѣлію благо моей же животной личности, отречься отъ которой *пока* велитъ мнѣ разумное сознаніе. Самоотреченіе вовсе не высшій подвигъ безкорыстной любви. Обыкновенно думаютъ и говорятъ,—пишетъ Л. Толстой,—что отреченіе отъ блага личности есть подвигъ, достоинство человѣка. Но это есть просто неизбѣжное условіе его жизни. Это законъ жизни человѣческой. Если онъ не совершается свободно, то онъ совершается въ каждомъ человѣкѣ насилино, при плотской смерти, когда онъ отъ тяжести страданій желаетъ одного: избавиться отъ мучительного сознанія погибающей личности и перейти въ другой видъ существованія ³⁸⁾).—Или еще откровеннѣе: не вслѣдствіе любви къ отцу, сыну, къ женѣ, къ друзьямъ, къ добрымъ и милымъ людямъ, какъ это обыкновенно думаютъ, люди отрекаются отъ личности, а только вслѣдствіе сознанія тщеты существованія личности познаетъ человѣкъ истинную любовь и можетъ истинно любить отца, сына, жену, дѣтей и друзей ³⁹⁾).—Повидимому Л. Толстой и не думаетъ о томъ, что для того, чтобы полюбить другихъ, еще недостаточно отречься отъ себя. Существуетъ много своеобразныхъ эгоистовъ, которые и сами не живутъ и другимъ жить не даютъ. Любовь созидаются долгимъ путемъ, сильной работой, нравственнымъ подвигомъ. У Л. Толстого же какъ самоотреченіе, такъ и любовь есть дѣло разума. Лишь только разумъ убѣдить животную личность въ необходимости самоотреченія, какъ тотчасъ же является и любовь. Этому мы никогда не повѣримъ, и можно только удивляться, что это говоритъ такой знатокъ души человѣческой, какъ Л. Толстой. Онъ не столько говорить о необходимости любви, сколько о необходимости самоотреченія, и вовсе не говорить о томъ, что нужно созидать въ себѣ чувство

³⁸⁾ Über Leben, стр. 56, 58 и др.

³⁹⁾ 13 т., стр. 27.

любви, какъ пѣчто положительное, а не просто только какъ отрицательное свойство нелюбви къ своей животной личности. Да, любовь не есть и свободный подвигъ; она сводится съ этого пьедестала. Это законъ, которому мы должны повиноваться съ необходимостю, но законъ, которому мы повинуемся не актомъ нашей свободной индивидуальной воли, которой у насъ нѣтъ⁴⁰⁾). Мы оказываемся только сосудами, въ которыхъ на время помышляется частица всеобщаго разума, самой простой логикой заставляющая насъ выполнять законъ разума. Когда мы любимъ, то любить не наша животная личность, которой свойственно быть эгоистичной, и не какое-либо другое личное наше я, котораго у насъ нѣтъ, а наше разумное сознаніе, частица всеобщаго разума, т. е. въ насъ любить именно всеобщій разумъ, носитель закона любви и творецъ истинной жизни.

Но недоумѣнія этимъ не кончаются. Любовь развѣнчана Л. Толстымъ и предполагаетъ цѣлый рядъ нелѣпостей. Если любить въ насъ наше разумное сознаніе, это невѣдомое нѣчто, то бого или что оно любитъ? Разумъ показываетъ намъ, что наша животная личность не стбить любви. Но стбить ли любить животную личность другого? Вѣдь она такое же призрачное, преходящее начало, какъ и моя животная личность. Да и сама эта другая животная личность приметь ли мои услуги? Вѣдь она также прекрасно знаетъ призрачность животнаго существованія — зачѣмъ же она будетъ принимать чужія жертвы для эгоистическихъ цѣлей животнаго блага? Да и зачѣмъ я буду облегчать страданія другой животной личности, когда, по убѣждению Л. Толстого, я буду думать, что эти страданія благодѣтельны для нея, такъ какъ показываютъ ей тщетность ея исканія животнаго блага? Дѣло обстоитъ проще, если признать, что невѣдомый любящій субъектъ, собственно живущій въ человѣкѣ безличный разумъ, любить не животную личность, ничего не стоящую, а то же разумное сознаніе, которое живеть и во мнѣ, и въ другомъ, и во всѣхъ человѣческихъ единицахъ. И конечно гораздо достойнѣе разум-

⁴⁰⁾ Über Leben, стр. 115, 117 и др. Worin besteht mein Glaube, стр. 138.

наго сознанія любить не преходящую и призрачную животную личность, а то, чтѣсть существенного и вѣчного въ человѣкѣ, т. е. разумное сознаніе. Но и мое, и его («другого») разумное сознаніе, и разумное сознаніе всѣхъ людей есть именно тотъ безличный разумъ, который есть основа всего сущаго. Что же выходить? Любовь моя къ другому есть любовь моего разумнаго сознанія къ разумному сознанію другого, т. е. любовь всеобщаго безличнаго разума къ самому себѣ. Правда, живущій во мнѣ безличный разумъ можетъ любить животную личность другого, именно какъ вмѣстилище разумнаго сознанія другого, т. е. вмѣстилище себя самого, но въ такомъ случаѣ является непонятнымъ, почему же я, т. е. мое разумное сознаніе, не должно любить свою собственную животную личность: ведь она такое же законное вмѣстилище для него, какъ и всѣ другія животныя личности. Въ первомъ случаѣ, когда разумное сознаніе любить въ другомъ такое же разумное сознаніе, оказываются ненужными всякия жертвы на пользу животной личности другого, ибо она есть то, что не стоятъ любви и чего не можетъ любить разумное сознаніе. Во второмъ, когда разумное сознаніе любить въ другомъ животную личность, именно какъ вмѣстилище разумнаго сознанія, вполнѣ узаконяется тотъ эгоизмъ, та любовь къ своей животной личности, которой Л. Толстой такъ боязливо избѣгаетъ даже въ видѣ законной любви къ своей богоподобной личности въ истинномъ христіанствѣ. Въ концѣ-концовъ безъ всякихъ діалектическихъ фокусовъ выходитъ, что любя себя—я люблю другихъ, любя другихъ—я люблю себя, въ сущности я люблю себя одного въ разныхъ видахъ, ибо и любящій субъектъ и любимый объектъ съ точки зрѣнія метафизики Л. Толстого есть тотъ же безличный разумъ, который живеть во всѣхъ человѣческихъ единицахъ, какъ носитель закона любви.

Этотъ же всеобщій безличный разумъ, являющійся у Л. Толстого метафизическій основой единства и родства всѣхъ человѣческихъ единицъ и вмѣсть съ тѣмъ носителемъ закона истинной жизни—любви, есть также основа истиннаго человѣческаго бессмертія. Можно недоумѣвать, зачѣмъ нашему моралисту, ограничивающему цѣль нравственной дѣятельности

достижениемъ земного счастія, понадобилось еще какое бы то ни было бессмертіе. Однако, если вникнуть въ дѣло, то окажется, что бессмертіе является у него постулатомъ нравствен-наго сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ, какъ онъ опредѣляетъ цѣль нравственной дѣятельности каждой человѣческой единицы. Исполненіе закона любви, по учению Л. Толстого, обезпечиваетъ счастіе и отдельной человѣческой личности и всего человѣчества. Но въ какомъ случаѣ? Въ томъ, если всѣ существа будутъ любить другъ друга больше, чѣмъ самихъ себя. Дотоль же, пока этого не будетъ, истинно любящій, находясь среди учениковъ міра, окутанныхъ ложными ученіями фарисеевъ и книжниковъ, всегда будетъ чувствовать себя одинокимъ въ своихъ благихъ стремленіяхъ, будетъ встрѣчать насмѣшки, страдать отъ клеветы, будетъ предметомъ эксплуатаціи со стороны хищныхъ эгоистовъ и блага своей животной личности не достигнетъ. Въ борьбѣ за существованіе, въ которой онъ, въ силу закона любви, активнаго участія принимать не можетъ, онъ будетъ раздавленъ и никакихъ осознательныхъ плодовъ отъ своего любовнаго служенія людямъ для своей личности не увидитъ. Такія возраженія всегда могутъ быть предъявляемы къ Л. Толстому со стороны его ученика, которому онъ обѣщаалъ заманчивую перспективу личнаго и общечеловѣческаго счастія. Этотъ ученикъ скажетъ Л. Толстому: чтѣ за смыслъ жизни указали вы мнѣ,—смыслъ, который для меня не имѣть никакого значенія? Я отрекся отъ своей личности для какихъ-то цѣлей будущаго человѣчества: я умру, и мнѣ даже не дано утѣшенія знать, принесло ли мое отреченіе отъ личности и любовное служеніе людямъ хотя крупицу полезнаго для счастія всего человѣчества. Относительно обѣщаннаго мнѣ личнаго счастія я обманулся: не обманусь ли я и относительно общечеловѣческаго счастія? И вотъ тутъ-то въ качествѣ утѣшенія является ученіе о бессмертіи. Утѣшися,—ответить Л. Толстой:—и твоя доля въ міровомъ прогрессѣ есть. Твое разумное сознаніе не умретъ; не умрутъ и внесенные имъ новыя отношенія къ міру, т. е. дѣла любви: они будутъ вѣчно жить въ воспоминаніяхъ дальнѣйшихъ поколѣній и въ ихъ разумномъ сознаніи, усовершенномъ твоими дѣлами.

Вотъ какое идеиное, безличное бессмертие сущить Л. Толстой ревнителямъ закона любви! Но что это за бессмертие! То, что согласно съ инстинктивной вѣрой человѣчества нужно считать истиннымъ, способнымъ дать намъ смыслъ жизни и утѣшить въ часы смерти, бессмертиемъ, есть бессмертие личной индивидуальной души, которая здѣсь на землѣ любила, боролась, страдала, стремилась къ нравственному совершенству. Безличная жизнь въ лонѣ безличного разума—пустыя слова безъ содержания, если мое будущее бытіе не будетъ связано съ прошедшими ни воспоминаніемъ, ни сознаніемъ. Послѣ моей смерти буду ли я сознавать свое бытіе? Если не буду, то что это за бытіе, которое не сознается? Это ничто. Если же я буду сознавать свое бытіе и по смерти, то какъ согласить безличное съ сознательностью? Если я буду сознавать свое бытіе и помнить о той жизни, которою я жилъ, когда былъ заключенъ въ оболочку животной личности,—даже тогда, когда существованіе этой послѣдней прекратится, то почему же я не помню о жизни моего разумнаго сознанія до тѣхъ поръ, пока оно не вселилось въ преходящую и времененную форму животной личности? Вѣдь одно изъ двухъ: или частица всеобщаго разума, живущая въ оболочкѣ моей животной личности, обладала сознаніемъ всегда,—и тогда, когда она жила въ «невѣdomомъ и непознаваемомъ прошедшемъ»,—въ такомъ случаѣ она должна помнить о немъ, о той виѣпространственной и виѣвременной области, въ которой она находилась; или же она получаетъ сознаніе, какъ только вселяется въ животную личность, такъ что эта послѣдняя является условiemъ ея сознательности,—но въ такомъ случаѣ съ уничтожениемъ животной личности должно уничтожиться и сознаніе частицы всеобщаго космического разума. Ни того, ни другого по учению Л. Толстого вывести нельзя и толковать о моей сознательной жизни въ лонѣ безличного разума нѣть логической возможности. Итакъ, чтѣ изъ того, если я буду жить по смерти, но не буду ничего сознавать? Такое несознаваемое бытіе есть чистое ничто, и называть это состояніе бессмертиемъ и притомъ утѣшать имъ человѣческое сердце значить или насмѣхаться надъ его вѣрой, прирожденной вѣрой въ бессмертие, или предлагать камень вмѣсто хлѣба.

Но,—утѣшаетъ Л. Толстой,—о человѣкѣ будуть помнить даль-
нѣйшія поколѣнія, а воспоминаніе благодарнаго потомства
развѣ не способно утѣшить человѣка въ предсмертныя минуты? Печальное безсмѣртіе, основанное на воспоминаніяхъ безпа-
мятнаго и неблагодарнаго человѣчества. Еще древній мудрецъ
жаловался, что мудраго не будуть помнить вѣчно наравнѣ съ
глупымъ, и справедливо разсуждалъ, что, если смерть есть
дѣйствительно конецъ всего, то не стѣть и добиваться быть
мудрымъ. Едва ли кто будетъ настолько идеализировать человѣ-
чество, чтобы приписывать ему вѣчно живую память о хо-
рошихъ людяхъ, кромѣ человѣка, совѣтъ утратившаго чутью
дѣйствительности. Забываются и великие люди, что же масса
среднихъ человѣческихъ единицъ? Чусть даже, положимъ, обо
мнѣ будуть помнить близкіе люди, но вѣдь они умрутъ такъ
же, какъ и я,—умрутъ помнящіе и ихъ, и о мнѣ позабудутъ
еще раньше, чѣмъ о нихъ. Насколько же времени это без-
смѣртіе? На годъ, десять, сто лѣтъ?

Чувствуя, что смѣши основывать безсмѣртіе на такомъ не-
вѣчномъ основаніи, какъ воспоминаніе объ умершемъ человѣкѣ
дальнѣйшихъ поколѣній, Л. Толстой придумалъ иѣчто въ родѣ
переселенія разумныхъ сознаній въ животныя личности. За-
конъ наслѣдственности здѣсь оказался весьма кстати. Мое раз-
умное сознаніе, съ каковымъ, какъ съ особеннымъ отноше-
ніемъ къ миру, я являюсь въ мірь, вносить новыя и новыя
отношенія къ миру, т. е. сказать проще—мое разумное сознаніе
усовершается и въ такомъ усовершенномъ видѣ перейдетъ въ
послѣдующее поколѣніе. Я былъ хороши, мой потомокъ будетъ
еще лучше и т. д., и такимъ образомъ человѣчество будетъ
идти по пути прогресса. «Видишь, и твоя доля въ міровомъ
прогрессѣ есть»,—утѣшаетъ Л. Толстой.

Но и эта прибавка вызываетъ недоумѣнія и въ сущности
не выдерживаетъ критики. Какимъ образомъ я передамъ свои
лучшія качества потомству? Это возможно или при посредствѣ
родныхъ дѣтей или въ томъ случаѣ, если воспоминаніе обо
мнѣ будетъ вызывать подражаніе моимъ качествамъ. Первое,
при отрицаніи Л. Толстымъ брака, какъ средства служить
благу животной личности, и не должно приниматься имъ во

вниманіе, тѣмъ болѣе, что прекращеніе потомства будетъ и прекращеніемъ этого на случайности основаннаго бессмертія. Что же касается второго, силы примѣра, то живое воспоминаніе о мнѣ и любовь ко мнѣ способны вызвать подражаніе моимъ качествамъ, но стѣснить потускнѣть этому воспоминанію, и сила примѣра ослабнеть сама собой. Во всякомъ случаѣ такое бессмертие очень ненадежно и случайно. Правда, Л. Толстой, выбирай примѣръ своего умершаго брата, утверждаетъ, что «воспоминаніе о немъ не есть только представленіе, но воспоминаніе есть что-то такое, что дѣйствуетъ на меня и дѣйствуетъ почти такъ же, какъ дѣйствовала на меня жизнь моего брата во время его земного существованія. Та сила жизни, которая была въ моемъ братѣ, не только не исчезла, не уменьшилась, но даже увеличилась и сильнѣе, чѣмъ прежде, дѣйствуетъ на меня. Мало того. Эта невидимая жизнь моего умершаго брата не только дѣйствуетъ на меня, но она входитъ въ меня. Его особенное, живое я, его отношеніе къ миру становится моимъ отношеніемъ. Онъ въ установлениіи этого отношенія къ миру какъ бы поднимаетъ меня на ту ступень, на которую онъ поднялся, и мнѣ, моему особенному живому я, яснѣ та слѣдующая ступень, на которую онъ уже ступилъ, скрывшись отъ моихъ глазъ, но увлекая меня за собою»⁴¹⁾). Затрудняемся признать психологическую правду этого неяснаго мѣста. Если это дѣйствительный субъективный фактъ, не будемъ утверждать его объективной правды или неправды. То, что было съ Л. Толстымъ въ его отношеніяхъ къ брату, нельзя распространять на всѣхъ. Конечно, если предположить какое-то волшебное, таинственное вхожденіе «силы жизни» моего умершаго брата въ меня, то въ приведенныхъ словахъ можно видѣть иѣчто болѣеfigуральныхъ выражений, указывающихъ на силу подражанія и живость воспоминанія. Но во всякомъ случаѣ, передастся ли мое разумное сознаніе послѣдующимъ поколѣніямъ путемъ наслѣдственности или будетъ жить въ воспоминаніяхъ другихъ людей или вселится въ другихъ людей путемъ волшебнаго акта «вхожденія», — все равно: и это не дастъ мнѣ

⁴¹⁾ 13 т., стр. 54.

личного бессмертія. Вѣдь я не буду сознавать своего бытія? А не сознаваемое бытіе—ничто. Утѣшать себя тѣмъ, что и моя доля въ міровомъ прогрессѣ есть, значить утѣшать себя сознаніемъ исполненнаго долга, и называть это бессмертіемъ значить играть словами.

Впрочемъ, Л. Толстой съ точки зрењія своей метафизики пожалуй можетъ признать, что я буду сознавать свое бытіе даже тогда, когда мое разумное сознаніе переселится въ дальнѣйшія поколѣнія. Ибо что такое я, ты, онъ—что такое всѣ люди? Вѣдь это космический безличный разумъ, вселившійся во временныя оболочки животныхъ личностей. Метафизическая основа всѣхъ людей едина. Значить, и во мнѣ, и въ немъ, и во всѣхъ людяхъ сознаетъ свое *я* тотъ же безличный разумъ. Рядъ разумныхъ сознаній, разумныхъ *я* есть *я* безличного разума, какъ всеобщей космической основы. Умирая, я продолжу жить въ другихъ людяхъ, а по смерти ихъ я и они—въ другихъ, и такъ до скончанія человѣческаго рода. Когда уничтожится человѣчество, я буду жить въ лонѣ всеобщаго разума, т. е. всеобщій разумъ будетъ жить самъ по себѣ, въ всякой временной и пространственной оболочки. Я буду жить въ самосознаніи разума, бытіе котораго вѣчно. Пусть такъ, пусть безличному разуму приписывается самосознавшее *я*, но вѣдь это уже не я буду жить, а безличный разумъ? Зачѣмъ же играть двусмысленными словами и утѣшать страдающаго на землѣ человѣка какимъ-то *его* бессмертіемъ, когда онъ будетъ поглощенъ бездной божества? Пѣть, сознаніе продолженія жизни нашей личности и за гробомъ такъ искреннимъ сильно, что оно невольно выступаетъ даже въ тѣхъ пантегистическихъ системахъ, где теоретически личность отрицается въ абсолютномъ смыслѣ и признается полное уничтоженіе личного *я* въ лонѣ абсолютнаго. Поэтому нельзя не согласиться съ слѣдующими словами Шеллинга: «Едва ли,—говорить онъ,—какой-либо мечтатель могъ тѣшиться мыслию о поглощении себя бездною божества. Едва ли мистикъ могъ допустить мысль о своемъ уничтоженіи въ Богѣ, если бы онъ мыслилъ постоянно, какъ субстратъ уничтоженія, свое собственное *я*. Даже Спиноза, созерцая себя уничтожившимся въ

абсолютномъ объекѣ, созерцать однако *самого себя* и не могъ мыслить себя уничтожившимся, не мысля себя въ то же время существующимъ»⁴²⁾.

Если попытаться теперь выяснить себѣ то міровоззрѣніе, съ которымъ связываетъ Л. Толстой свою этику, то съ трудомъ сведешь начало съ концами. Едва ли можно подвести его къ какому-либо изъ существующихъ философскихъ міровоззрѣній; отовсюду онъ заимствуетъ по своему вкусу что-либо, какъ электическъ, но весьма неразборчивый, не заботящійся о логической связи частей своего элективического ученія и скрывающей логические проблемы въ туманѣ неопредѣленности. Въ самомъ дѣлѣ, что такое тотъ безличный космический разумъ, который живеть во мнѣ и въ вѣчности котораго состоитъ и мое миное бессмертие? «Евангелие Іоанна,—говорить Л. Толстой,— начинается тѣмъ, что Слово или Разумъ есть начало и что въ Немъ все и отъ Него все, и что потому Разумъ,---то, что опредѣляетъ все остальное,---ничѣмъ не можетъ быть опредѣляемъ (разумѣется,—прибавимъ отъ себя,—метафизически, а не логически). Мы всѣ не только знаемъ его, но только разумъ одинъ и знаемъ». Отсюда повидимому слѣдовало бы, что наши знанія о всеобщемъ разумѣ (т. е. знаніе разума о самомъ себѣ, ибо мы—облеченный въ оболочку животной личности тотъ же разумъ) должны быть ясны и опредѣлены. Къ сожалѣнію, у Л. Толстого ясныхъ опредѣленій этого разума мы не находимъ. «Основа сущаго», «творецъ истинной жизни», «носитель закона любви и всеобщаго блага», «свѣть міра», «разумѣніе жизни» и т. п. выраженія скорѣе описываютъ разумъ метафорически, чѣмъ даютъ его опредѣленія съ требуемою наукой точностію. Мы не знаемъ, идея это или субстанція; намъ говорятъ лишь, что онъ есть нѣчто безличное. Однако этой безличной идеѣ или субстанції приписывается такое психологически самое личное свойство, какъ любовь. Эту любовь безличной идеи или субстанції къ самой себѣ можетъ представить себѣ развѣ всеолицетворяющая способность художника, но ни точная психологія, ни дорожа-

⁴²⁾ Über Dogmatik und Kritik, S. 167.

щая научной основательностью метафизика принять такого сочетания понятий не можетъ. Но, помимо чисто личныхъ свойствъ сознанія и любви, Л. Толстой приписываетъ этому безличному космическому разуму способность усовершаться. Человѣкъ, являясь въ мірѣ съ особеннымъ къ нему отношениемъ, которое онъ выносить изъ «какого-то невѣдомаго прошедшаго», вносить въ мірѣ «новыя и новыя отношения», т. е. усовершаетъ свою способность любить. Если подставить подъ эти фігуральные выраженія ихъ точный смыслъ, вытекающій изъ началь толстовской метафизики, то является слѣдующее. Разумъ, облека-
ясь во временную оболочку животной личности, усовершаетъ свою способность любить и съ этой усовершенной способно-
стью любить переселяется въ другія животныя личности. Такъ онъ дѣлалъ въ безконечномъ прошедшемъ, такъ онъ продол-
жаетъ дѣлать въ настоящемъ, такъ будетъ продолжаться въ будущемъ. Такимъ образомъ, жизнь всеобщаго разума въ рядѣ животныхъ личностей, т. е. въ человѣчествѣ, есть безконечное (а можетъ быть и имѣющее кончиться) усовершенствованіе са-
мого разума. Иными словами, жизнь человѣчества есть само-
развитіе всеобщаго разума. Значитъ ли это, что всеобщій разумъ, потенциальнно содержа въ себѣ безконечное совершенство любви, нуждается во временныхъ и пространственныхъ условіяхъ животной личности, чтобы реализовать путемъ постепенной эволюціи эту свою способность любви? Если такъ, если разумъ находится въ зависимости отъ материальнаго начала міра, то является дуализмъ, при которомъ весь мірѣ есть результатъ взаимодѣйствія двухъ началъ—космического разума и косми-
ческой матеріи. Какъ же понять, что «разумъ ничѣмъ не опре-
дѣляется, а самъ все опредѣляетъ, что онъ есть начало всего», когда въ дѣйствительности его зависимость отъ матеріи являет-
ся очень сильной? Вѣдь многіе люди, живя жизнью животной личности, не усовершаютъ своей способности любить, а такъ и умираютъ подъ властію материальнаго начала, надъ кото-
рымъ почему-то не могло возобладать разумное сознаніе. Одно изъ двухъ: или усовершеніе разумнаго сознанія зависитъ отъ животной личности, или животная личность не имѣетъ никакого значенія для всеобщаго разума, будучи началомъ под-

чииненнымъ. Въ первомъ случаѣ является дуалистическое міросозерцаніе,— при второмъ становится необъяснимымъ, почему же иные люди такъ и умираютъ, не усовершивши своей способности любить.

Но дуалистическая точка зрењія не можетъ быть принята Л. Толстымъ. Достаточно примѣнить ее къ вопросу о бессмертіи, чтобы видѣть это. Въ самомъ дѣлѣ, при дуалистическомъ міросозерцаніи равно можно говорить и о бессмертіи разума и о бессмертіи матеріи. Не только мое разумное начало не уничтожится, но не уничтожится и моя животная личность. Не уничтожится и предполагаемое Л. Толстымъ временное животное сознаніе, ибо, если есть сознаніе у той частицы матеріи, которая составляетъ мою животную индивидуальность, то оно могло появиться только потому, что сознаніе есть свойство матеріи вообще. Значитъ, и мое животное сознаніе, будучи частицей сознанія матеріи, будетъ жить въ этомъ сознаніи и тогда, когда моя животная индивидуальность умретъ, т. е. перейдетъ въ другія формы материального бытія. Не говоримъ уже о другихъ логическихъ препятствіяхъ къ принятию дуалистической точки зрењія Л. Толстымъ. Эгоизмъ, напр., присущій животной личности, по Л. Толстому, мы должны будемъ присписать и матеріи вообще, равно какъ и личность и все, что онъ присыпываетъ животной личности.

Но не можетъ ли Л. Толстой признать, какъ начало мира, особое творческое начало, которое свободно отдается во власть вещества и связанный съ нимъ животной личности? Но не говоря уже о логическомъ самоопротиворѣчіи такого начала, которому при его безличности все-таки присыпаются личные свойства любви, сознанія и наконецъ свободы, являются слѣдующія затрудненія къ принятію Л. Толстымъ этой точки зрењія. Если безличнымъ разумомъ, какъ творческимъ началомъ, создано все, то имъ же созданъ и эгоизмъ, необходимо присущій по Л. Толстому животной личности. Но для какой цѣли? Для борьбы разумного сознанія съ началомъ эгоистическимъ? Но тогда животная личность, конечно, должна обладать свободой и притомъ съ сильной степенью самоответственности, такъ какъ дѣйствительность показываетъ, что жи-

вотная личность иногда до смерти продолжает культивировать свой эгоизмъ, не взирая на голось разумнаго сознанія. Если же признать животную личность, одаренную свободой, способной или признать или отвергнуть законъ разумнаго сознанія, и въ то же время признать еще разумное я,—то выйдетъ психологическая нелѣпость двухъ свободныхъ я въ человѣкѣ. Даље, если эгоизмъ есть необходимо присущее животной личности свойство, а слѣдовательно и матеріи, то говорить объ уничтоженіи этого свойства такъ же мало можно, какъ объ уничтоженіи, напр., непроницаемости, также свойства матеріи. Этимъ уничтожается всякая возможность борьбы съ эгоизмомъ; заранѣе обреченная на бесплодность, она безсмыслenna. Другое дѣло, если эгоизмъ есть порожденіе свободного акта нашей воли. Но гдѣ въ психології Л. Толстого такое свободное начало? Признать, что оно есть порожденіе нашего разумнаго сознанія, какъ частицы всеобщаго и безличнаго, хотя и свободного разума, Л. Толстой никогда не согласится, ибо тогда придется съ необходимостю признать, что у всеобщаго разума на ряду со свойствомъ любви есть и свойство эгоизма, а между тѣмъ у Л. Толстого основнымъ фактомъ признается противоположность между разумнымъ сознаніемъ, какъ началомъ любви, и животной личностью, какъ началомъ эгоизма; къ тому же, при предположеніи, что всеобщій разумъ можетъ усовершаться, совершенно непонятно, зачѣмъ онъ будетъ на пути своего усовершенія ставить себѣ тормазы и препятствія въ видѣ порождаемаго имъ самимъ эгоизма. Что касается до предположенія особаго духовнаго существа въ человѣкѣ,—существа, обладающаго волей и способнаго свободно породить эгоизмъ,—то оно не мирится со всей психологіей Л. Толстого, и при признаніи такого существа, какъ это есть въ христіанствѣ, необходимо признать и личное бессмертіе. Говорить же объ уничтоженіи такого духовнаго существа или уничтоженіи его личности, при сохраненіи самой сущности (чтѣ можетъ быть сталъ бы утверждать Л. Толстой, учащій объ уничтоженіи животной личности, присущей матеріи, при сохраненіи самой матеріи, переходящей въ другія формы матеріального бытія), значить увеличивать рядъ психологическихъ и метафизическихъ нелѣпницъ.

Пантеистическая точка зре́нія—вотъ къ чему тяготѣтъ болѣе всего Л. Толстой, какъ видно изъ изложенныхъ нами его метафизическихъ и психологическихъ воззрѣній. Не подвергая его подробной критикѣ, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о невозможности связать ученіе Л. Толстого о животной личности съ основной пантеистической формулой. Пантеизмъ смотрѣть на міръ какъ на манифестацію единой субстанціи. Матерія есть такъ же проявленіе, модусъ бытія единаго начала, какъ и духъ или разумъ. Значитъ, при послѣдовательно проведенной пантеистической точкѣ зре́нія Л. Толстой долженъ бы признать, что не только разумное я въ человѣкѣ есть частица единой божественной субстанціи—безличного космического разума, но что и сама животная личность съ ея временнымъ сознаніемъ и эгоизмомъ есть также проявленіе, другой модусъ бытія этого всеобщаго начала. Но если такъ, то законъ эгоизма одинаково есть законъ всеобщаго разума, какъ и законъ любви. Борьбы между ними, какъ равно законными свойствами субстанціи, или не должно быть, и тогда въ дальнѣйшемъ развитіи міра прогрессъ будетъ одинаково распространяться и на область любви и на область эгоизма, такъ что конечная цѣль нравственнаго процесса—счастіе всего человѣчества, которому мышаетъ эгоизмъ—не будетъ никогда достигнута; или между этими свойствами любви и эгоизма должна быть борьба, какъ и утверждаетъ Л. Толстой; но въ такомъ случаѣ помимо прочихъ противорѣчій приходится признать слѣдующую неизбѣжуему: всеобщій безличный разумъ будетъ представлять картину борьбы двухъ противоположныхъ началъ, какимъ-то чудомъ въ немъ уживающихся, и это раздвоеніе, эта борьба должны быть съ роковою необходимостію, если признать эти начала любви и эгоизма вѣчными и существенными опредѣленіями всеобщаго разума. Но Л. Толстой пророчить побѣду любви надъ эгоизмомъ; эта борьба двухъ началъ необходимо должна кончиться торжествомъ любви, ибо только при этомъ условіи можетъ быть достигнута цѣль нравственного процесса — счастіе человѣчества, какъ онъ думаетъ. Что же? Если законъ эгоизма не есть вѣчное опредѣленіе всеобщаго разума, а временное, имѣющее уничтожиться, то выходитъ, что всеобщій космический ра-

зумъ устраиваетъ для себя какую-то игру, борьбу двухъ силъ-чай, въ которой, какъ рѣшено заранѣе, одержитъ побѣду имен-но любовь. Во что же обращается тогда человѣческая исторія? Она является результатомъ этой игры всеобщаго разума. Съ этой точки зрењія все дѣйствительное, и въ мірѣ и въ исторіи, ра-зумно, даже то, противъ чего возмущается и нашъ разумъ и наша совѣсть. Весь нравственный процессъ въ человѣчествѣ есть дѣятельность всеобщаго разума, творца жизни, и всѣ эти эпохи нравственнаго паденія, царства эгоизма суть моменты дѣятельности всеобщаго начала, коего мы—жалкія игрушки. Вы-ходитъ такъ, что всеобщій разумъ то проявляется по преиму-щству эгоизму, то начинаетъ препобѣждать его любовью. Мож-но ли признать разумнымъ такой случайный ходъ исторіи? И кто поручится за то, что эгоизмъ будетъ препобѣжденъ любо-вью и настанетъ пора человѣческаго счастья при такой нера-зумной дѣятельности космического разума?

Правда, Л. Толстой слишкомъ далекъ отъ того, чтобы такъ прямолинейно проводить крайности пантезма, своими абсурд-ными логическими слѣдствіями лучше всего доказывающаго свою теоретическую несостоятельность. Онъ не можетъ при-знать, что вся человѣческая исторія есть игра всеобщаго разума съ самимъ собою, которою онъ забавляется отъ вѣчности; онъ можетъ быть даже чувствуетъ, что проведенный до конца пантезмъ обрушивается подъ слабымъ напоромъ логики и здраваго смысла. И вотъ онъ хочетъ лучше остатъся непослѣ-довательнымъ, чѣмъ прямолинейно проводить свой пантенисти-ческій принципъ. Признавая всеобщій космический разумъ, какъ основу всего сущаго, онъ не знаетъ, какъ примирить существованіе животной личности и присущаго ей эгоизма съ царящимъ всюду разумомъ. Откуда эта матерія съ присущимъ ей сознаніемъ и эгоизмомъ въ животныхъ личностяхъ — Л. Толстой не знаетъ и не рѣшаетъ этого вопроса, который онъ готовъ объявить празднымъ. Не лучше ли вмѣсто доказанныхъ положеній и ясныхъ формулъ маковенiemъ волшебного жезла своего воображенія создать странную психологію и удивитель-ныя гипотезы о животной личности, какъ началъ эгоизма, и окутавъ ихъ въ целены образовъ, намековъ и сравненій, на-

всякій вопросъ о теоретическихъ основаніяхъ сочиненныхъ гипотезъ отвѣтить; не знаю? Такъ Л. Толстой и дѣлаетъ. Онъ усиленно рекламируетъ свою мораль, награждаетъ ее эпитетами простоты и ясности, съ уваженiemъ и съ особеннымъ ударениемъ говорить объ ея древности, о мнимыхъ знаменитыхъ ея сторонникахъ, бьеть на ея практичесность и общедоступность⁴³⁾; но когда дѣло доходитъ до теоретическихъ обоснованій, тѣ онъ или скрываются въ туманѣ старого метафизического хлама и кутается въ обрывки пантейстическихъ формулъ, или злоупотреблять своимъ правомъ художника тамъ, где недостаточно образовъ и сравненій, или же безапелляционно изрекаетъ подъ видомъ несомнѣнной истины то, что ему таковымъ кажется, не пускаясь въ лишняя объясненія. Вообще, субъективность—вотъ основная черта всѣхъ моральныхъ и философскихъ разсужденій Л. Толстого, — субъективность, которая скорѣе ссылается на свой вкусъ, чѣмъ на объективныя доказательства. Л. Толстой слишкомъ долго находился подъ обаянiemъ тѣхъ безрелигіозныхъ учений, на которыя онъ теперь такъ безпощадно нападаетъ въ своихъ разсужденіяхъ о современной науцѣ, чтобы это обаяніе не оставило въ немъ слѣда. Онъ глубоко ошибается, что будто бы безповоротно освободился отъ тѣхъ «позитивныхъ» предразсудковъ, которые держали его въ своихъ цѣпяхъ во время антирелигіозныхъ вѣяній едва пережитой эпохи. И однако свой субъективный міръ, въ которомъ слѣды прошлыхъ увлечений и взглядовъ сочетались съ нѣкоторыми истинами христианства, онъ предлагаетъ за единственную вѣрную философию и мораль. Не будучи въ состояніи субъективно повѣрить въ личного Бога и личное бессмертіе, онъ не подвергаетъ критикѣ это учение, не размышляетъ съ осторожностью истинаго философа, а безапелляционно рѣшаетъ, что такъ и должно быть и иначе быть не можетъ. Личный Богъ и личное бессмертіе вычеркиваются изъ ряда здраво-философскихъ идей и объявляются выдумками книжниковъ и фарисеевъ въ современномъ обществѣ. Вѣря въ объективную истину своего субъективнаго убѣжденія, онъ начинаетъ походить

⁴³⁾ Много разъ, напр. 13 т., стр. 13, и Worin besteht mein Glaube, стр. 167 и др.

противъ христіанскихъ догматовъ, какъ ихъ понимаетъ Церковь; отсюда его произвольная, странная экзегетика; отсюда его удивительное богословствованіе и безцеремонная критика евангельского и церковнаго ученія. Расправившись съ христіанской доктриною, онъ берется за христіанскую этику. Если нѣтъ личного бессмертія, то необходимо съ одной стороны покончить съ традиціоннымъ психологическимъ понятіемъ личности, о личной субстанціональной душѣ,—а съ другой—извести цѣль нравственной дѣятельности съ заоблачныхъ высотъ личного бессмертія на нечто вполнѣ реальное—на землю и ограничить эту цѣль предѣлами земного существованія. И вотъ создается странная психологія съ ученіемъ о какой-то уничтожающейся временемъ личности, связанной съ матеріей. Разумное и свободное я, какъ личность, отсутствуетъ. Но надо же признать какой-нибудь духовный центръ въ человѣкѣ, чтобы не погрязнуть въ грубомъ материализмѣ. На помощь является старый пантегионъ съ всеобщимъ космическимъ разумомъ, живущимъ въ каждомъ человѣкѣ. Создается единственная въ своемъ родѣ по иепослѣдовательности и противорѣчіямъ метафизика. Это же понятіе о всеобщемъ безличномъ разумѣ, какъ основѣ всего сущаго, понадобилось и для другой цѣли. Тяготѣя сердцемъ къ заповѣди о любви къ ближнему и считая мораль любви высшею моралью, Л. Толстой чувствуетъ все-таки необходимость ея обоснованія. Вѣдь если все кончается землей, то къ чему добродѣтель, всѣ нравственные подвиги? И вотъ заповѣдь о любви, которую человѣкъ, не вѣрующій въ бессмертіе, едва ли приметъ свободно, навязывается насилиемъ, какъ некоторый міровой законъ, съ которымъ нельзя безнаказанно бороться; она постится повидимому на самомъ широкомъ и прочномъ основаніи—на всеобщей космической основѣ. Это законъ разума, живущаго въ человѣкѣ. Зачѣмъ еще облекать эту истину въ мистической туманѣ христіанской доктрины? Во что обратилась христіанская заповѣдь о любви въ «раціональному» освѣщеніи Л. Толстого,—мы уже видѣли. Но если нѣтъ человѣческой личности и личного бессмертія, то достиженіе нравственного идеала нельзя уже полагать въ заоблачномъ мірѣ христіанскихъ мечтаній. Земля должна быть

мѣстомъ осуществленія нравственного идеала. Чувствуя, что отрицаніе личнаго бессмертія уже сильно ослабить нравственные стремленія людей, воспитанныхъ въ этихъ вѣрованіяхъ, Л. Толстой понялъ, что еще менѣе подѣйствуетъ на нихъ проповѣдь о долгѣ, о любви къ отвлеченному добрѣ, объ уваженіи къ нравственному закону и т. п. мотивахъ безрелигіозной морали. Необходимо поманить человѣка тѣмъ, къ чему онъ всю жизнь стремится, увлечь его чѣмъ-нибудь реальнѣмъ — и вотъ въ перспективѣ нравственной дѣятельности является заманчивая картина и личнаго и общечеловѣческаго счастія. Цѣлью нравственной дѣятельности является уже не нравственное совершенство, а земное счастіе. Этика становится соціологіей. Христіанскіе идеалы замыняются идеалами коммунизма и эвдемонизма. Быть нравственнымъ оказывается выгодно съ чисто земной точки зрѣнія. Примѣщивается утилитаризмъ, съ ловкостію счетчика - бухгалтера вычисывающій выгоды быть нравственнымъ. Нравственные правила — это просто рецепты счастливой жизни, и на ихъ практичности Л. Толстой особенно настаиваетъ. Нравственная дѣятельность есть стремленіе не къ нравственному благу, а къ личному счастію, устроенію рая на землѣ. Можно ли сильнѣе развѣичать этику? Можно ли идти дальше въ смышеніи нравственныхъ и соціологическихъ задачъ? Можно ли менѣе понимать христіанскую мораль? Бѣдная этика, если стараются заманить къ ией поклонниковъ обѣщаніями земного счастія, пользы и выгоды быть нравственнымъ!

Но новая мораль очень предупредительна. Всякому проницательному скептику, который сталъ бы сомнѣваться въ возможности достижениія счастія на землѣ, стараются доказать необходимость осуществленія этой мечты. Любовь, какъ средство къ счастію, есть законъ всесобщающаго разума. Несомнѣнное торжество любви, какъ мірового верховнаго закона, есть одновременно торжество счастія на землѣ. Въ этомъ смыслѣ всей исторіи. Тѣмъ и практична новая мораль, что по ея учению нравственное совершенство, т. е. созданіе въ себѣ самоотверженной любви, обеспечиваетъ земное счастіе, какъ необходимое слѣдствіе нравственного совершенства. Иначе зачѣмъ и пред-

лагать средства къ осуществлению неосуществимаго? Да, это очень практически, но отъ такой практическости избави Боже всякую этику, ибо она лишаетъ ее всякаго нравственнаго характера. Къ сожалѣнію, эта обѣтованная земля, куда приводить человѣка исполненіе нравственныхъ правилъ по Л. Толстому, есть химера, призракъ для всякаго отдѣльного нравственно дѣйствующаго субъекта и въ то же время просто утопія, не лучше и не хуже тѣхъ, какія создавало человѣческое воображеніе, не удовлетворяемое земною дѣйствительностю. Обыкновенного человѣка трудно убѣдить, что отъ исполненія правилъ новой морали человѣчество когда-то достигнетъ счастья на землѣ, когда онъ самъ лично страдаетъ и несчастливъ именно оттого, что исполняетъ законъ новой морали среди большинства эгоистовъ. Правда, ему сулять бессмертіе, но каково это бессмертіе, мы уже видѣли. Что касается рая на землѣ, то едва ли кто поверить, что когда-либо онъ осуществится въ томъ видѣ, въ какомъ онъ рисуется Л. Толстымъ — безъ государства, безъ брака, безъ собственности и т. п. Съ точки зрѣнія истиннаго христіанства это именно утопія, вносящая бессмыслицу въ исторію человѣчества, разъ осуществленіемъ ея кончается весь историческій процессъ. Земное счастіе, утверждаетъ Л. Толстой, есть необходимое слѣдствіе нравственнаго совершенства. Но истинное христіанство вѣритъ, что на землѣ нравственнаго совершенства достигнуть нельзя, а слѣдовательно не осуществляется и воображаемый Л. Толстымъ рай на землѣ. Съ другой стороны, неужели вся исторія человѣчества, вся нравственная работа отдѣльныхъ личностей и нравственный прогрессъ безчисленныхъ поколѣній человѣчества имѣть цѣллю счастіе немногихъ людей, дожившихъ до осуществленія этой мечты? Къ чему были все эти страданія, эти самоотверженные подвиги ревнителей закона любви, когда они-то умерли, не испытавъ счастія, и когда отъ ихъ трудовъ будеть материальное благо для имъ невѣдомыхъ поколѣній и затѣмъ все кончится? Л. Толстой не признаетъ безконечнаго существованія человѣчества, ибо оно разрушало бы его мораль. Разъ цѣль нравственной дѣятельности всего человѣчества есть счастіе въ томъ вкусѣ, въ какомъ изображаетъ его Л. Толстой, и прак-

тичность новой морали въ томъ и состоить, по мнѣнію автора, что она приводить къ реальному осуществленію своихъ обѣтованій,—то полагать достижениѳ этого счастія въ безконечномъ существованіи человѣчества значить утверждать, что идеаль никогда не будетъ достигнутъ, и обѣтованія новой морали окажутся пустыми звуками. Напротивъ, Л. Толстой прямо утверждаетъ, что исторія человѣчества кончится и именно достижениемъ идеала. Недостижимый идеалъ онъ считаетъ нелѣпостю. А когда осуществляется идеалъ, то прекратится и исторія человѣчества. Истинное христіанство признаетъ вѣчную жизнь въ царствѣ идеала и, живя въ градѣ, здѣсь пребывающемъ, ожидаетъ града грядущаго; для Л. Толстого все кончается землей, градомъ здѣсь пребывающимъ,—и вся исторія человѣчества является жертвой для временнаго блага послѣдняго въ исторической цѣни поколѣнія; исторія человѣчества медленно идетъ къ уничтоженію; ея безсмысленный, вслѣдствіе безсмысленной цѣли, ходъ заканчивается безсмысленнымъ концомъ. Смыслъ всей жизни, вносимый нами по Л. Толстому изъ какихъ-то вѣкврменныхъ и вѣкпространственныхъ отношеній, оказывается осуществленнымъ въ предѣлахъ времени и пространства. Будто бы не уничтожаемый смертію личный смыслъ жизни уничтожается смертію человѣчества. Какъ, а бессмертіе человѣчества въ лонѣ безличнаго Разума? Бессмертіе,—мы видѣли, каково оно, и можетъ ли оно быть оправдано теоретически. Необходимо здѣсь добавить, что это бессмертіе, если даже его признать, не можетъ быть цѣлю исторіи человѣчества. Человѣчество—долженъ признать Л. Толстой—бессмертно въ каждый моментъ своего существованія. Оно не достигается имъ—оно всегда есть, ибо въ человѣчествѣ живеть всеобщій космический разумъ, вѣчная жизнь котораго и есть по Л. Толстому истинное бессмертіе людей. Для чего же вся исторія человѣчества въ его нравственномъ процессѣ? Нравственный процессъ является безсмысловеннымъ, если его цѣли ограничиваются землей; онъ является безцѣльнымъ съ точки зрѣнія толстовской метафизики, если его цѣль полагать въ достижениѣ бессмертія. Бессмертіе есть только формальное понятіе. Надо вложить въ него содержаніе, чтобы оно могло стать

цѣлью жизни. Не бессмертіе вообще можетъ стать цѣлію жизни, а извѣстное бессмертіе. Съ точки зренія христіанской догматики бессмертенъ и грѣшникъ, но такое ли бессмертіе можетъ быть цѣлію нравственной дѣятельности? Для Л. Толстого нѣть такого содержанія бессмертія. Бессмертенъ всеобщій космической разумъ, вѣчна его безличная жизнь. Но такою она была всегда, и умеръ ли человѣкъ въ началѣ исторического процесса или въ концѣ, развивалъ ли свой эгоизмъ или усовершалъ способность любить,—онъ одинаково бессмертенъ въ лонѣ всеобщаго разума. Тамъ нѣть воспоминаній о прошедшемъ: тамъ нѣть личной жизни, нѣть раздѣленія на добрыхъ и злыхъ, ибо бессмертенъ не каждый индивидуальный человѣкъ, а всеобщій космической разумъ, живущій въ немъ. И съ этой точки зренія исторія человѣчества есть случайная и безцѣльная бессмыслица. Для чего-то понадобилось всеобщему разуму вселиться въ безчисленный рядъ смигняющихъ временныхъ животныхъ оболочекъ, создать исторію со всѣми ея трагическими явленіями, наложить на человѣка бессмысленное бремя моральныхъ предписаній и, случайно создавъ человѣческую исторію для какого-то непонятнаго своего усовершенія, случайно же ее и кончить. Люди и ихъ исторія являются игрушкой въ рукахъ всеобщаго космического разума, созданная имъ ради своей потѣхи,—игрушка, плохо кончающаяся для людей и недостойная того всеобщаго космического начала, которому имя—Разумъ.

III.

Значеніе нравственной философіи Л. Н. Толстого для современной мысли и современного общества.

Таковъ метафизический остовъ нравственнаго ученія Л. Толстого. Чудная христіанская мораль, такъ гармонически связанная съ христіанской догматикой, отрѣшается отъ этой родной почвы и въ своемъ новомъ метафизическому освѣщеніи теряетъ

не только христіанскій, но и вообще нравственный характеръ. Мораль безъ нравственной личности и нравственного идеала, какъ единственной цѣли всякой нравственной дѣятельности,— своеобразное смѣщеніе нравственныхъ задачъ съ соціологическими мечтаниями,— странная смѣсь аскетизма, утилитаризма и эвдемонизма,— счастье вмѣсто добра, материальное довольство вмѣсто нравственного совершенства,— виѣшніе рецепты вмѣсто заповѣдей личного совершенства и спасенія,— бѣзсмыслииный конецъ человѣческой истории и нравственного процесса— вотъ основные черты того нравственнаго ученія, которое предлагается намъ подъ видомъ христіанской морали. Умъ, отказавшійся отъ христіанской догматики и замѣнившій ее самимъ непослѣдовательнымъ пантезизмомъ, потерпѣлъ роковую неудачу. Онъ не только породилъ удивительную смѣнь непримѣнимыхъ противорѣчий, психологическихъ и метафизическихъ нелѣпицъ, но и сдѣлалъ все, чтобы выработанная имъ мораль не имѣла успѣха и долговѣчности.

Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ принять заповѣдь о любви къ ближнему въ томъ освѣніи, какое далъ ясонополянскій моралистъ-философъ?

Не приметь ея, прежде всего, то множество христіанъ, которые еще вѣруютъ въ христіанскіе догматы и въ вѣрѣ во Христа находятъ какъ лучшія основанія и побужденія любить ближняго, такъ и величайшій нравственный, не уничтожаемый смертію смыслъ жизни. Перемѣна этими вѣрующими ихъ идеаловъ на идеалы Л. Толстого будетъ непонятной перемѣнной высшаго идеала на низшій и на эту перемѣну не согласится ни одинъ истинно вѣрующій.

Не примутъ нравственнаго ученія Л. Толстого и множество современныхъ себялюбцевъ, всѣми мѣрами культивирующихъ свой эгоизмъ и живущихъ на счетъ благоденствія ближнихъ. На почвѣ самой философіи Л. Толстого они могутъ прекрасно обосновать свою мораль эгоизма, прицѣпившиесь къ его ученію о животной личности съ присущимъ ей эгоизмомъ, какъ временної оболочки частицы всеобщаго безличнаго разума. Прекрасно достигая личного счастія на счетъ благоденствія другихъ, они не найдутъ въ морали Л. Толстого побужденій къ

отреченію отъ личнаго блага, и ихъ нельзя обмануть утопической картиной счастья человѣчества, когда оно будетъ удѣломъ одного поколѣнія, ради котораго безмыслиемъ трудилось все человѣчество до него. Эти эгоисты прекрасно разберутся въ психологическомъ и метафизическомъ мусорѣ, которымъ окружена предлагаемая имъ мораль, и они слабость обоснованія морали съ радостію перенесутъ на самую мораль. И нельзя не сказать, что Л. Толстой сдѣлалъ безсознательно все, чтобы дать ликоватъ многимъ представителямъ морали эгоизма.

Не примутъ нравственного ученія Л. Толстого и тѣ, кто, извѣрившись въ необходимость религіозной санкціи для морали, пытаются построить ее или на метафизическіхъ основахъ или на основаніяхъ точной науки. Для первыхъ жалкой покажется метафизика Л. Толстого, представляющая воскрешеніе старого метафизического хлама въ обстановкѣ парадоксовъ и противорѣчій, и они, даже при склонности своего сердца къ самоотверженной любви, постараются подыскать для нея болѣе надежныя и крѣпкія метафизическая основанія. Для враждебныхъ всякой метафизикѣ представителей «научной» этики нравственное ученіе Л. Толстого явится новымъ и блестящимъ доказательствомъ того вреда, какой происходитъ въ области нравственныхъ вопросовъ отъ вторгающагося сюда метафизического тумана, и они станутъ только пожимать плечами, слушая философствованія гениальнаго художника. Подобное отношеніе ихъ къ Л. Толстому тѣмъ понятнѣе, что заповѣдь о любви къ ближнему съ ихъ точки зрѣнія гораздо научнѣе обоснована Контомъ, Миллемъ и др. представителями морали альтруизма.

Остаются люди, не имѣющіе никакихъ религіозныхъ убѣждений, но ищущіе нравственного смысла и нравственной задачи въ жизни. Можетъ быть, неудовлетворяемые никакими существующими нравственно-философскими ученіями, они съ жаромъ примутся за изученіе нравственныхъ воззрѣній всѣми любимаго художника. Можетъ быть, ихъ преклоненіе предъ личностію автора рассматриваемой морали, при извѣстной склонности ихъ сердца къ самоотверженію и любви, сдѣлаетъ ихъ поклонниками и нового ученія. Пусть даже первое впечатлѣніе отъ метафизическіхъ основъ новой морали, когда благоговѣніе

передъ любимымъ художникомъ не даетъ мѣста критическому анализу, не выражается безощаднымъ приговоромъ ихъ неосновательности; пусть таъ, но дальнѣйшая работа критического ума, не слишкомъ легко и не безъ борьбы оправдывающаго увлечения сердца, разбереть всю метафизическую наутицу и, оставивъ нетронутой одну лишь формулу заповѣди о любви, или породить разладъ между собою и сердцемъ или попытается подыскать новыя основанія для оправданія благородныхъ стремленій сердца. Для сердца, которое склонно скорѣе къ эгоизму, эта критическая работа ума можетъ закончиться ниспроверженiemъ принятой морали, если только она можетъ быть принята такими сердцами; сердце, жаждущее любви и самоотверженія, въ самой этой потребности любви будетъ искать основаній любить больше и больше, и для него метафизика Л. Толстого будетъ лишь временной теоретической основой его природной склонности, замѣнѣ отсутствія какихъ бы то ни было убѣждений.

Да, временной, ибо немного нужно имѣть критического ума, чтобы разобраться въ своеобразно сплетенной философіи Л. Толстого. Для нихъ, этихъ людей, не дорожащихъ «тьмою мелкихъ истинъ» христианства, ученіе Л. Толстого будетъ не болѣе какъ ихъ «возвышающимъ обманомъ», возвышающимъ, ибо лучшее имѣть хотя такія возврѣнія, чѣмъ никакихъ. Но обманъ, хотя бы и задрапированный пышными одеждами величія, есть все-таки обманъ и въ самомъ себѣносить сѣмена разрушенія. И когда разсѣется этотъ обманъ и сердце будетъ искать новыхъ теоретическихъ основъ для своей самоотверженной любви, то можетъ быть презираемыя гордыми людьми «тымы мелкихъ»¹⁾ христианскихъ истинъ окажутся единственными крѣпкими основами истинной нравственности. Имъ указанъ истинный источникъ истинной морали—Христосъ и Евангеліе. Неудовлетворившись этой поддѣлкой христианства, какую предлагаетъ Л. Толстой, но занинтересовавшись доселе презираемыми ими Христовыми ученіемъ, они обратятся къ изученію Евангелія и прекрасно поймутъ всю грандіозность этой поддѣлки.

¹⁾ Конечно, съ точки зреінія ихъ противниковъ.

Дѣятельная же любовь и самоотверженное служеніе людямъ есть лучшая школа для выработки религіозныхъ убѣжденийъ и лучшая почва для усвоенія Христовой истины. Незамѣтно сердце покорится Христовой истинѣ, и бывшій толстовецъ сдѣлается христіаниномъ.

Таково по нашему мнѣнію значеніе нравственной философіи Л. Толстого въ ея положительной части. Сама въ себѣ носящая причины своего неуспѣха и недолговѣчности, она юс-
веническимъ образомъ приносить услугу христіанству и способ-
ствуетъ его торжеству. Она обращаетъ общественную мысль
ко Христу, какъ творцу истинной морали, и своею грандіоз-
ною нелѣпостю заставляетъ подойти ближе къ изученію того
источника, изъ которого только мы и знаемъ ученіе Христа,
и провѣрить то, что за таковое предлагается Л. Толстымъ.
Въ исторіи этики — ученіе Л. Толстого есть плодъ великаго
недоразумѣнія, которое хочетъ построить истинную мораль
любви виѣ началъ христіанскаго теизма и которое роковымъ
образомъ приводить къ неудачѣ. Оно будетъ сдано въ архивъ
какъ новая неудачная попытка безрелигіозной морали. Въ
исторіи нравственныхъ настроеній современного общества ученіе
Л. Толстого есть несомнѣнно подъемъ нравственного со-
знанія, которое въ лицѣ Л. Толстого возвысилось надъ мер-
кантилью и эгоистическою моралью послѣдняго времени и
пошло навстрѣчу христіанству. Но отставъ отъ одного берега,
Л. Толстой не присталъ къ другому или вѣрнѣ — занеся
ногу, чтобы перешагнуть пропасть, лежащую между безрели-
гіозною моралью послѣдняго времени и истиннымъ христіан-
ствомъ, онъ одной ногой такъ и остался на прежнемъ берегу.
Такъ всегда бываетъ въ переходныя эпохи, когда обществен-
ное сознаніе, извѣршившись въ прежніе идеалы и идя навстрѣчу
новымъ, вслѣдствіе долгаго господства старыхъ никакъ не
можетъ сразу отъ нихъ отрѣшиться и долго незамѣтно для
себя носитъ ихъ слѣды. Образуется смѣсь старыхъ и новыхъ
идеаловъ, старыхъ воззрѣй и новыхъ взглядовъ, какъ пере-
ходная ступень къ царству новаго идеала. Такъ необходимо
смотрѣть и на ученіе Л. Толстого и его общественное зна-
ченіе. Въ лицѣ его, талантливѣйшаго представителя XIX-го

вѣка, девятнадцатый вѣкъ, отходя въ область исторіи, подводитъ итоги своей нравственной работы, дѣлаетъ попытку самосознанія. Извѣрившись въ прежніе идеалы, онъ пытается оставить въ наслѣдие своему преемнику мораль, построенную на новыхъ идеалахъ, къ признанию которыхъ его привело исканіе нравственной правды, замѣтно обнаружившееся въ нашемъ обществѣ въ послѣднее время вмѣстѣ съ оживленіемъ долго презираемыхъ религіозныхъ и метафизическихъ интересовъ. Въ лицѣ Л. Толстого девятнадцатый вѣкъ преклоняется предъ величиемъ Христовой морали, но, не будучи еще въ состояніи отрѣшииться отъ предразсудковъ и предубѣждений, глубоко привитыхъ путаницей мысли, царившей въ лицѣ отрицательныхъ ученій едва пережитой эпохи, онъ подъ видомъ христіанской морали оставляетъ въ наслѣдие наступающему столѣтію смѣсь прежнихъ и новыхъ идеаловъ, смѣсь, полную парадоксовъ и противорѣчий, смѣсь, сшитую наскоро нитками, смѣсь, — которой суждено очень краткое существованіе. Но она важна какъ симптомъ той нравственной работы, какая происходитъ въ современномъ человѣчествѣ, и какъ показатель того направленія, въ которомъ она совершается. Въ этомъ лежитъ великое общественное значеніе всей нравственной проповѣди Л. Толстого, и его мораль мы вполнѣ справедливо можемъ назвать моралью *«fin de siècle»*.

Наступающему двадцатому вѣку теперь предстоитъ задача величайшей важности. Источникъ истинной морали указанъ. Пусть же онъ не забываетъ его, но, очистившись отъ принятыхъ по наслѣдству «научныхъ» предубѣждений, будетъ вѣкомъ не «пара или электричества», а вѣкомъ изученія и проповѣди истинно-христіанскихъ идеаловъ во всей ихъ безпримѣсной чистотѣ и неподражаемомъ величіи.

θ. Преображенский.

Сергіевъ Посадъ.

1892 г.

Духовная Академія.